

— Если господину не нравится, старый слуга не будет отправлять. Я проявил излишнюю инициативу. Как раз в усадьбе тоже кто-то простудился, отдам лекарство им.

С этими словами он попрощался и собрался уйти, но Хо Ци остановил его. Хо Ци на мгновение застыл, в сердце его даже возникло нерешительность, но в итоге он всё же велел управляющему отправить лекарство в дом князя Аньхэ. Управляющий, повинувшись приказу, удалился.

Хо Ци проводил взглядом старого управляющего, пока тот не скрылся из виду, затем вновь посмотрел на письменный стол. Над ним тонкой струйкой поднимался дымок сандаловой палочки, подобный облаку или туману, расплывчатый и вьющийся.

Это лекарство... пусть это лекарство будет ответным даром за тот бокал вина от Ло Циньяна.

Зимние дни в Шэньюне коротки. Едва миновал час шэнь, как небо уже потемнело. Хо Ци закончил разбирать сегодняшние документы, затем неспешно прилёг на кушетку в кабинете и почитал трактаты о военном искусстве. Читая, его мысли начали свободно бродить. Он вспомнил, как летом в Пинляне скакал на коне, осенью охотился, и невольно стало тоскливо. Неизвестно, когда он сможет вернуться на северо-запад в этот раз.

Вообще-то, Хо Ци вернулся в столицу на этот раз по императорскому указу. Воля императора не терпит нарушений, иначе он мог бы остаться в Пинляне. После смерти деда этот Шэньюн стал для него местом, о котором он не желал вспоминать. Всё изменилось, Шэньюн по-прежнему процветает, но чувства принадлежности не осталось.

Вспомнив императорский указ, вызвавший его в столицу, Хо Ци невольно усмехнулся. Причина, указанная в указе, была поистине нелепа. Говорилось, что император сжалился над ним, скитающимся на войне десять лет, — изначально знатным столичным аристократом, но долгое время проживавшим в северо-западных землях. Ныне в районе Лянчжоу в целом царит мир и спокойствие. Хотя племена хунну и совершают время от времени небольшие набеги, они не представляют серьёзной угрозы и не внушают страха. В армии и без него всё будет в порядке, потому его отзывают в столицу, чтобы облегчить тоску по родине. Плюс в районе Цзинчжоу вспыхнуло восстание Учения Красных повязок, правительственные войска подавляют его неудачно, боевые действия длятся уже два года, но признаки затухания не видны. Это не только истощило огромное количество золота, серебра, денег и продовольствия, но и серьёзно повлияло на земледельческие работы жителей Цзинчжоу. Частые беспорядки привели к тому, что многие местные жители лишились крова и семей, образовав огромные толпы беженцев. Беженцы — крайне нестабильный фактор, угрожающий безопасности империи.

Император счёл, что Хо Ци, обладающий богатым опытом многолетних военных кампаний, должен быть отозван и зарезервирован для юго-западных военных действий. Также, учитывая незнакомство Хо Ци с обычаями юго-запада, ему позволено сначала некоторое время побыть в столице для изучения.

Только вот это «некоторое время» уже затянулось на более чем два месяца. Он потратил чуть более месяца, чтобы в общих чертах ознакомиться с юго-западными обычаями и природой. Но описанное в книгах всё равно не сравнится с ясностью и понятностью личного осмотра на месте. В военном деле больше всего избегают пустых рассуждений на бумаге.

Хо Ци уже дважды подавал доклад с просьбой о переводе в Цзинчжоу, но меморандумы раз за разом оставались без ответа. Император ежедневно погружён в алхимию и

самосовершенствование, уже пять лет редко появляется на аудиенциях. Не то что сановникам трудно лицезреть священный облик — даже князьям во дворце редко удаётся его видеть.

Раз уж сейчас власть в руках Восточного дворца, он мог бы и смирить гордыню, отправив меморандум в дом наследного принца. Но наследный принц всегда отнекивался, говоря, что вопросы назначения военачальников требуют длительного обсуждения, и без императорского указа он не смеет принимать опрометчивых решений. После нескольких таких обменов Хо Ци примерно понял мысли Ло Тяньчэна.

Не более чем опасение, что тот командует Северо-западной армией.

Северо-западная армия — войско, созданное Хо Ци собственными руками. Десять лет назад Хо Ци впервые прибыл в Пинлянь и ценой невероятных усилий отбил крупное вторжение конницы хунну. Война позволила ему понять слабость основных правительственных войск на северо-западе в то время. Ради долгосрочных планов пришлось заново набирать ополчение на местах.

Первый набор солдат он провёл лично. Все болтливые, кривляющиеся и паясничавшие не допускались в военный лагерь. Верные, простые и из бедных семей имели приоритет. Те, кто мог поднять тяжёлую гирию или ответить на вопросы по стратегии, освобождались от всех налогов для членов своих семей. Потому большинство офицеров и солдат в его лагере были верными и храбрыми, редки были те, кто менял сторону или дезертировал с поля боя.

В ранние годы Хо Ци лично занимался всеми делами лагеря. Хотя он и был главнокомандующим армии, он настаивал на тренировках вместе с солдатами. Упорные тренировки плюс умелое руководство Хо Ци быстро позволили этой армии проявить черты боеспособности, дисциплинированности и строгой организации. Со временем она вытеснила прежние правительственные войска. Северо-западная армия начала набирать известность, и в итоге из вспомогательного отряда, охранявшего Пинлянь, превратилась в основную армию.

Армия получала провиант от казны, но фактически была частной армией Хо Ци. Потому что Хо Ци активно занимался военными поселениями в районе горы Лун, что позволило Северо-западной армии избавиться от последнего ограничения со стороны двора — контроля над снабжением. Те слова, что Хо Ци на пиру в свою честь восхвалял императора за искусное управление страной, говоря, что процветающая экономика обеспечивает Северо-западную армию всем необходимым, были не более чем лицемерными речами.

Сейчас его срочный перевод из Пинляня — всего лишь боязнь двора, что он, обладая армией, возгордится, и желание ослабить его влияние. Какая уж там жалость, что он долго жил на северо-западе и тоскует по Шэньюну! Почему же в то время, когда его дед был при смерти, он семь раз подавал доклады с мольбой вернуться в столицу на полмесяца, а двор под предлогом напряжённости на границах и запрета военачальникам самовольно покидать армию не позволил ему успеть увидеться с дедом в последний раз?

При этой мысли на лице Хо Ци, редко когда проявлявшего нетерпение, появилось раздражённое выражение. Он отложил трактат по военному искусству, встал и зашагал к окну. Стоя спиной к комнате, он через полуоткрытую створку окна уловил лёгкое благоухание сливы, проникавшее в комнату, свежее и элегантно. Хо Ци распахнул окно полностью, охватив взглядом пейзаж снаружи.

За окном, неизвестно когда, выпал новый снег, полностью скрыв следы, оставленные ранее прошедшими слугами. Небо и земля были безмолвны, лишь сливовые деревья во дворе качались на ветру, распространяя тонкий аромат. Эти сливовые деревья были посажены ещё

его дедом собственными руками. Красные — это киноварные сливы, белые — речные сливы. Красные и белые, взаимно оттеняя друг друга, цвели, бросая вызов холоду, став своеобразным пейзажем этой зимы.

Хо Ци полюбовался сливами недолго, как вдруг услышал за воротами двора два звука шагов. Многолетняя армейская жизнь сделала Хо Ци чрезвычайно чувствительным к звукам. Хотя те, кто шёл, были ещё довольно далеко, это не помешало ему ясно расслышать. Один звук шагов был ему знаком — это управляющий Ван. Другой же принадлежал незнакомцу.

Хо Ци предъявлял высокие требования к обстановке в своём кабинете, потому его кабинет располагался в отдельном месте переднего двора. Слева была аптека усадьбы, справа — сад. Гости шли со стороны сада. Двое прошли через лунные ворота. Один из них действительно оказался управляющим Ваном. Кто был сзади — разглядеть было трудно, лишь видно, что тот был закутан в шубу из белого лиса, белизной превосходящую снег, на голове — светло-голубая бархатная шляпа с вуалью, скрывавшей лицо, в руках — грелка. Очевидно, тот очень боялся холода.

Управляющий Ван заметил Хо Ци, стоявшего у окна, и немедленно остановился, чтобы поприветствовать:

— Желаю господину здоровья. Прибыл с визитом молодой князь дома Аньхэ. Старый слуга только что видел, что господин прилёт отдохнуть, не посмел беспокоить, потому самовольно решил проводить молодого князя сюда. Прошу господина о прощении.

С этими словами старый управляющий уже собирался просить о наказании, но тот, кто был позади него, поддержал его за руку:

— Генерал, не вините его. Это Цинъян проявил бесцеремонность, настоял, чтобы управляющий проводил меня в этот кабинет.

С этими словами Ло Цинъян приподнял вуаль своей шляпы и обратился к Хо Ци улыбкой, полную извинений.

Хо Ци тоже не был таким придирчивым человеком. Он взмахнул рукой, давая знак управляющему уйти и заварить чай, а сам повёл Ло Цинъяна в боковую комнату неподалёку от кабинета.

Причина, по которой он не желал принимать гостей в кабинете, была тройственной: во-первых, в кабинете было слишком много военных документов; во-вторых, Хо Ци всегда считал кабинет очень личным местом, ему не нравилось, когда туда заходили посторонние; в-третьих, в кабинете было плохо с отоплением. Хотя сам он, проведя в кабинете долгое время, мог чувствовать духоту и невыносимый жар, но, видя хрупкое и тонкое телосложение молодого князя и вспомнив недавнюю простуду, всколыхнувшую всю столицу, Хо Ци в конце концов повёл его в боковую комнату с камином.

В боковой комнате были спальня и внешняя гостиная. Едва они уселись, чай уже был завален.

Ло Цинъян по пути заметил, что утварь и обстановка в доме Хо были весьма простыми. Не то что не сравнить с домом князя Аньхэ — даже резиденции некоторых мелких чиновников в столице были лучше. Это несколько удивило его.

Взглянув на слегка удивлённое выражение лица молодого князя, Хо Ци, естественно, понимал, о чём тот думает. Приняв чайник из рук слуги, он наклонился и лично налил чай Ло Цинъяну.

Вместе с клубящимся паром поднялся аромат сливовых цветов, словно сливы за окном прорвались сквозь дверь и расцвели прямо в чашке с чаем.

Ло Цинъян мгновенно привлёкся ароматом этого чая. Повернувшись к Хо Ци, он тихо поблагодарил и спросил:

— Осмелюсь спросить, генерал, что это за чай? Откуда такая благоуханность?

Хо Ци уселся поудобнее, наполнил свою чашку на семь десятых и пояснил:

— Этот чай называется «Сливовый цвет». Для него используется снежная вода из Молочного источника на задней горе, только что распустившиеся цветы сливы со двора, а для подачи — специально изготовленная фиолетовая глина. Потому он может полностью сохранить изначальный аромат сливовых цветов.

Услышав это, Ло Цинъян уже поднял чашку, слегка подул на чайную пенку, плавающую на поверхности, отпил глоток и восхищённо вздохнул:

— Кажется, даже можно ощутить свежесть родника и чистоту снежной воды. Не знаю, во сколько раз он лучше той вульгарной заварки, что в моём доме.

<http://bllate.org/book/15614/1393971>